

*¹ Каримов Н.И. ² Каримова Р.У.

^{1,2} *Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Казахстан*
E-mail: ¹nodar.karimov@gmail.com, ²risalat.karimova@mail.ru

БАХА АД-ДИН НАКШБАНД: СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ НАКШБАНДИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу социально-этической доктрины Баха ад-дина Накшбанда и политической роли накшбандийской традиции в Центральной Азии. Опираясь на междисциплинарный подход, исследование объединяет исторический, религиозно-философский и политический анализ, раскрывая трансформацию суфийского учения в условиях взаимодействия с государственными институтами. Рассматривается формирование школы Накшбандийа как духовного и общественного феномена, оказавшего значительное влияние на политическую культуру и религиозную идентичность региона в XIV–XVI веках. Особое внимание уделено таким аспектам, как внутренняя духовная практика, система наставничества (силсила), общинное самоуправление и способы легитимации влияния шейхов в условиях конфликта с политической властью. Через анализ источников, включая труды Ходжи Ахрара и хроники учеников Баха ад-дин Накшбанда, исследование демонстрирует, как этико-духовные принципы трансформировались в инструменты политического действия. Работа представляет научную и практическую ценность, поскольку позволяет по-новому взглянуть на соотношение духовной автономии и политической ангажированности религиозных движений в исламской истории Центральной Азии. Полученные результаты могут быть полезны для исследователей исламской традиции, историков религии и специалистов в области политической теологии, а также для анализа современных форм религиозной идентичности в постсоветском пространстве.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках грантового научного исследования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Политический суфизм в Центральной Азии (Казахстан и Восточный Туркестан): исторические корни и современные реалии» (РНН AP19678538).

Ключевые слова: Баха ад-дин Накшбанд, Накшбандийа, Ходжа Ахрар, Центральная Азия, политический суфизм, исламская этика, религиозная идентичность.

Введение

Суфизм сыграл ключевую роль в формировании духовного, культурного и интеллектуального облика Центральной Азии – региона, известного с древности под названиями Туран, Туркестан и Мавераннахр. Его влияние проникло практически во все аспекты жизни местных народов: от религиозных убеждений до художественного творчества, охватывая сферы науки, литературы и искусства. Суфийские идеи стали неотъемлемой частью мировоззрения, оказав воздействие не только на индивидуальную духовную практику, но и на общественные и философские установки.

Исторически в регионе присутствовало многообразие исламских течений, включающее суннитские и шиитские фракции (мурджииты, исмаилиты и мубайдиты), суннитские богословские школы (матуридизм, ашаризм и каррамия), суннитские правовые школы (ханафизм и шафиитский мазхаб), а также многочисленные суфийские ордена (Накшбандийа, Ясавийа, Кубравийа, Ишкийа, Кадирийа и Афакийа). Но именно суфизм, благодаря своей духовной практике и глубокому взаимодействию с местными культурами, сыграл ключевую

роль в развитии и формировании уникального центральноазиатского облика ислама, который по сей день остается неотъемлемой частью мировой исламской цивилизации (Karimov, 2018: 300).

Баха ад-дин Накшбанд – выдающийся представитель исламского мистицизма, оказавший глубокое влияние на формирование духовной традиции Центральной Азии. Он жил в XIV в. и стал не только основателем суфийского братства, позднее названного в его честь Накшбандийа, но и духовным реформатором, чьи взгляды соединили строгую аскезу с активным участием в социальной жизни. Его учение, укорененное в суннитской ортодоксии, подчеркивало важность внутреннего молчаливого созерцания Бога (зикра) и постоянного присутствия сердца в божественном. Фигура Баха ад-дин Накшбанда остается ключевой для понимания эволюции суфизма в Центральной Азии, а его духовное наследие продолжает оказывать влияние на религиозную практику и культуру мусульман региона и по сей день.

Материалы и методы исследования

В исследовании применен междисциплинарный подход, сочетающий исторический анализ, обзор религиозно-политических источников и глубокий контент-анализ суфийской литературы. В основе исследования – изучение первоисточников, включая труды исламских мыслителей, тексты накшбандийской традиции, а также современные научные исследования по истории суфизма в Центральной Азии. Метод историко-философского анализа позволил проследить эволюцию этико-социальных принципов тариката Накшбандийа и выделить ключевые положения учения Баха ад-дин Накшбанда, оказавшие влияние на общественно-религиозные процессы региона.

Теоретическая база исследования включает труды как зарубежных, так и отечественных исследователей, в том числе работы Karen Armstrong (2002), Bruce Privratsky (2001), Weismann, I. (2007), Martha Brill Olcott (2007), Alexander Knysh (2000), а также Игоря Хисматуллина и Бахтияра Бабаджанова. Акцент был сделан на анализе тех аспектов, где накшбандийская традиция выходила за пределы духовной практики, принимая форму социальной и политической силы. Особое внимание уделено легитимирующим механизмам внутри тариката, концепции силсила, антиклерикальным установкам и стратегическому взаимодействию с государственной властью. Такой подход обеспечил комплексное понимание феномена политического суфизма и его вклада в формирование духовной культуры Центральной Азии.

Обсуждение

Школа тасаввуфа (суфизма) Баха ад-дин Накшбанда, известная как ходжаган-накшбандийа, смягчила строгие практики раннего суфизма, придавая им гармоничность и делая их более применимыми в повседневной жизни. Учение Накшбанда, утверждающее, что можно приблизиться к Аллаху, не отрекаясь от мирских забот и не отказываясь от активной жизни, способствовало широкому распространению суфизма среди различных слоев мусульманского общества.

Мухаммад ибн Мухаммад Баха ад-дин Накшбанд Бухари родился в 718 г. хиджры (1318 г. н. э.) в селении Касри Арифон близ города Бухары. «Накшбанд» было прозвищем, данным ему по ремеслу ткача парчи, которым он занимался вместе с отцом. Причиной того, что у него с детства возник интерес к науке тасаввуфа и он получил воспитание в этом русле, было то, что дед Мухаммада был в близких отношениях с суфиями. Первые уроки, относящиеся к предмету суфизма, Мухаммад получил от шейха Мухаммад Баба Саммаси и Саид Амир Кулала. Однако Баха ад-дин Накшбанд, признавал своим духовным учителем Абдулхалика Гудждувани (Мухаммад Закир ибн Али, 2013: 8-9). После получения духовного наставничества от Гудждувани, Накшбанд сосредоточился на практике «молчаливого зикра» – внутреннего поминания Бога, без громких внешних проявлений, что было революционной

новацией в суфизме того времени. Он подчеркивал необходимость полного контроля над мыслями и вниманием, чтобы избежать поверхностных проявлений духовности (Knysh, 2000: 190-199).

Накшбанд дважды совершил паломничество-хадж. После совершения обряда хаджа, он вернулся в Бухару и всю жизнь провел в этом городе. По завещанию Амира Кулала, Накшбанд становится его духовным преемником. После принятия духовной преемственности от Амира Кулала, Накшбанд старается систематизировать и активно развивать суфийскую практику, делая особый упор на внутреннее созерцание и постоянное поминание Бога (Knysh, 2000:180-185).

Накшбанд уделял серьезное внимание жизни в обществе и считал, что истинный суфий может и должен оставаться в мире, исполняя свои мирские обязанности. При этом он должен постоянно сохранять духовное осознание. Его знаменитое изречение «Внимание к сердцу – это зикр, а зикр – это жизнь сердца» отражает этот подход, сочетающий активность и внутреннее духовное состояние (Ernst, 1997: 53). В течение своей жизни Накшбанд активно наставлял учеников, распространял свое учение не только в регионе Бухары, но и за его пределами. Это позволило его школе получить широкое признание и развитие в Центральной Азии, а впоследствии и в других регионах мусульманского мира. Его методы воспитания и наставления были основаны на строгой дисциплине и духовном опыте (Weismann, 2007: 152-170).

Социально-нравственное учение накшбандийского тариката, представленное в сочинениях его идеологов, является своеобразной формой этико-социальной мысли в рамках исламского мистицизма. Накшбандийская школа прилагала значительные усилия для очищения суфийской теории и практики от излишнего фанатизма, суеверий, а также от элементов мифологии, архаики и реакционного содержания. Особого внимания заслуживает стремление идеологов накшбандийского тариката установить гармонию между разумом и верой в вопросах, касающихся как духовной, так и телесной жизни человека. Лидеры накшбандийского движения отвергали практики уединения, аскетического экстаза, самоистязания и другие формы поведения, не имеющие, по их убеждению, места в жизни Пророка и его сподвижников, но распространенные в иных суфийских традициях. Такие призывы накшбандийцев, как: «Быть с людьми внешне, а с Богом – внутренне» или «Руки – труду, сердце – Аллаху», выражают гуманизм и, в то же время, подчеркивают сбалансированный, умеренный характер этико-религиозной доктрины накшбандийского учения (Меликова, 2024: 848).

В своей деятельности Накшбанд подчеркивал значимость соблюдения шариата, видя в этом обязательное условие истинного суфизма (Ernst, 1997: 120). С годами вокруг Накшбанда сформировалась многочисленная группа последователей и учеников, которые высоко ценили его духовное руководство и простоту образа жизни. Он прожил свою жизнь в Бухаре, где его влияние распространялось не только на религиозную, но и на социальную жизнь города. Особое внимание Накшбанд уделял важности наставничества и передачи духовных знаний от учителя к ученику – цепочке, известной как «силсила». Он считал, что только через живое общение и прямую связь с наставником можно достичь настоящей духовной реализации. Накшбанд учил и поддерживал своих учеников, передавая им основы духовной дисциплины, которая стала фундаментом накшбандийской традиции (Shah & Sanyal, 2012: 233).

В целом, можно говорить о том, что представители Накшбандийского тариката сохраняли значительную политическую и культурную автономность и идеологически отличались от ортодоксальных ханафитских улемов. К. Армстронг рассматривает суфизм как реакцию на усиливающееся влияние фикха – суннитских правовых школ, которые сводили ислам лишь к совокупности внешних правил (Armstrong, 2002: 74).

«Политический суфизм» сыграл значимую роль в истории Центральной Азии. Во времена правления Тимуридов (XIV–XVI в.) суфийские лидеры часто определяли отношения

между правителем и подданными. Накшбандийа, безусловно, являлся доминирующим суфийским тарикатом в регионе. Эффективные внутриобщинные отношения, а также политическая, религиозная деятельность шейхов тариката, часто вызывали недоверие со стороны правителей. К примеру, во время встречи Баха ад-дин Накшбанда с Маликом Хусейном, правителем Герата, последний начал с пристрастием расспрашивать шейха о его статусе дервиша (является ли он наследственным), о его практике зикра (использует ли он громкий зикр), о самá (музыкальных церемониях) и халвáте (уединении). Связь с институционализированным суфизмом указывала на влияние тариката на общественную жизнь и воспринималась правителями как угроза их власти (Olcott, 2007: 2).

Во взаимодействии с властями тарикат Накшбандийа опирался на ряд легитимирующих принципов – от наследственной преемственности, связанной со строгой дисциплиной и духовной практикой, до системы «силсила», а также на идею групповой солидарности (Хисматуллин, 2001: 133). Идея солидарности внутри братства всегда занимала центральное место в системе ценностей приверженцев Накшбандийа, которая нередко даже превосходила по значимости религиозную принадлежность к исламу. Маулана Мухаммад-Кази, один из учеников Ходжи Ахрара – лидера Накшбандийа, так передал слова своего наставника: «Если бы я узнал о неверном в Китае, который с почтением отзывается о выдающихся шейхах этого тариката и их словах, я бы без колебаний вступил с ним в общение и не стал бы осуждать его за неверие» (Хисматуллин, 2001: 85).

Принципы общинного самоуправления накшбандийцев заслуживают особого внимания. Тарикат сознательно дистанцировался от такой традиционной формы политической организации в Центральной Азии, как наследственная передача власти. В текстах тариката нередко встречаются резкие, осуждающие высказывания в адрес шейхов мираси – преимущественно представителей традиции Ясавийа, которых упрекали в том, что они лишь «торгуют в лавках своих отцов» (Хисматуллин, 2001: 87). Одним из накшбандийских шейхов, известных своей непримиримостью, был Маулана Чусту. Он играл заметную роль в политической жизни Ферганской долины и Самарканда в XVI веке. Вместе со своими последователями он открыто выступал против шейхов Кубравийа и других соперничающих суфийских братств, особенно тех, кто отстаивал идею наследственного духовного лидерства.

Одним из таких «наследственных шейхов» и соперников Маулана Чусту был харизматичный Абд аль-Кадир Турбати, прибывший со своими последователями к Маулане Чусту с намерением одержать над ним верх. Однако вскоре он был поражен разразившейся эпидемией и, как сказано в источниках, «упокоился» у могилы своих предков (Хисматуллин, 2001: 87). Сам Чусту решительно порвал с принципом наследственной духовной преемственности, отказавшись следовать пути своего отца, Мауланы Фатхаллы, и вместо вступления в орден Ясавийа примкнул к накшбандийскому тарикату (Хисматуллин, 2001: 87).

Члены суфийских орденов несли личную ответственность перед своими общинами, часто выступавшими в роли квази-государственных структур, и одновременно обладали определенной политической и идеологической свободой. Изменение политических взглядов и предпочтений нередко происходило в целых группах и сообществах. Яркий пример такой трансформации – переход хорасанской общины Ясавийа в накшбандийскую идеологию в начале XVII века. Шейх Токум Хиваки, представитель ордена Ясавийа, привел к шейху Накшбандийа около 400 своих мюридов, фактически «переведя» их в новое братство (Хисматуллин, 2001: 138). Приведенный эпизод красноречиво иллюстрирует, как зрелый духовный наставник с многочисленными последователями добровольно передает их под руководство другого шейха – что свидетельствует одновременно и о коллективной переориентации духовного пути всего сообщества, и о высокой степени индивидуальной свободы внутри суфийских братств.

Идеалы суфизма получили дальнейшее развитие в трудах и деятельности последователей Баха ад-дин Накшбанда. Одним из таких выдающихся духовных наследников

суфийского тариката стал Насираддин Убайдуллах ибн Махмуд (Ходжа Ахрар или посвященный богу). Ходжа Ахрар родился в 1404 г. в семье богослова, выходца из потомков Пророка Мухаммада (сайидов) в селении Багистан, расположенном недалеко от Самарканда. Он получил первоначальное религиозное образование в Герате, затем продолжил обучение в Мекке и Медине, был учеником и последователем видных шейхов накшбандийского братства. Наставником Ходжи Ахрара называют одного из учеников и преемников Баха ад-дин Накшбанда – Маулана Йа‘куб Чархи. Под руководством Маулана Йа‘куб Чархи братство Накшбандийа стало одним из самых значимых и популярных суфийских общин в Центральной Азии, получив признание во всем мусульманском мире.

Ходжа Ахрар первоначально обосновался в Ташкенте, где старался вести праведную жизнь: много молился, не общался с дурными людьми, помогал бедным, страждущим. Спустя время он взял в аренду небольшой участок земли рядом с Паркентом, пару волов у родственников и стал обрабатывать его. Ходжа Ахрар был удивительно удачливым земледельцем, и в этом он усматривал божественное провидение. В 1430 г. регион постигла засуха и как следствие – голод. Ходжа Ахрар открыл свои закрома перед народом, чем заслужил признание и любовь соотечественников (Пресс-служба, 2020). Более того, Ходжа Ахрар ввел новую этическую норму, согласно которой шейхи и члены братства могли и должны были обладать богатством, при этом предупреждая, что «их сердца не должны быть привязаны к их имуществу». Сам он, следуя своей идее, никогда не отказывался от подарков и подношений и со временем сделался крупнейшим феодалом в Тимуридском государстве. Эта своеобразная капиталистическая этика дала мощный импульс экономической активности братства, благодаря чему многие из шейхов Накшбандийа стали одними из самых состоятельных людей Трансоксианы (Olcott, 2007: 8).

Позднее Ходжа Ахрар перебрался в столицу империи Самарканд, по-видимому, чтобы находиться рядом с правителем. Перед отъездом из Ташкента шейх построил пятничную мечеть в районе Чорсу – старейшего рынка в городе. В Самарканде Ходжа Ахрар продолжил проповедовать теорию умиротворения, защиты мусульман от злоупотреблений властью имущих. Он активно общался с правителями обширной Тимуридской империи. Для достижения своей цели Ходжа Ахрар пошел на сближение с властью и пытался добиться доверия правителей, обрести их симпатию и поддержку. Советы Ходжи Ахрара по всем вопросам внутренней и внешней политики в государстве Тимуридов, можно сказать, бесприкословно выполнялись. В 1460 г. в правление султана Абу Саида Ходжа Ахрар добился отмены кабального налога *тамга*, взимавшегося с местного населения еще со времен монгольского господства. Этот налог не соответствовал нормам ислама и шариата. Ходже Ахрару удалось также заметно смягчить чагатайскую систему наказаний, установленную в государстве. Эти преобразования благотворно отразились на развитии ремесел и сельского хозяйства во всем регионе (Пресс-служба, 2020).

Ходжа Ахрар значительно укрепил и расширил сеть накшбандийских общин. Его деятельность отличалась активной социальной позицией: он, также как Накшбанд считал, что суфий не должен уходить от мира, а должен улучшать его. Именно с деятельностью Ходжи Ахрара связан путь политизации суфизма. Он дал следующее обоснование политизации деятельности братства: «Необходимо обращаться к правителям, возвысив религию пророков до такой высоты, чтобы их трон и корона казались ничтожными по сравнению с величием веры» (Olcott, 2007: 8). Под влиянием Ходжи Ахрара возникло представление о «праведном шейхе», который не только наставляет верующих, но и может руководить светской жизнью, если это необходимо для блага общества.

Ходжа Ахрар резко критиковал превращение адата (обычного права) в государственный закон, поставленный над исламскими нормами. Он также активно выступал против правящей элиты, введившей дополнительные, не основанные на шариате налоги для ограбления народа. В отношениях с властями Ходжа Ахрар обычно применял очень действенную тактику

успокоения с позиции силы, опираясь на собственное экономическое могущество, поддержку сторонников и авторитет духовного лидера (Olcott, 2007: 7).

Ходжа Ахрар оставил после себя мало текстов, но его идеи и назидания были сохранены учениками и стали частью канона накшбандийского наставничества. К авторству шейха относят три сочинения, основным содержанием которых являются разъяснения некоторых особенностей «пути ходжагон-Накшбандийа», преимущества «зикра сердца» (ритуального радения, во время которого определенные формулы рецитируются про себя, не в голос), рассуждения о поведении суфия и т. д. (Бабаджанов, 2012: 77). Основным богословским трактатом, написанным шейхом является «Рисалаи Валидия» («Родительское послание»). Трактат, созданный в форме духовного письма, адресованного, по всей вероятности, матери или родителям шейха, имел целью увещание, утешение и объяснение своего пути. Трактат написан на персидском языке и представляет собой собрание духовных наставлений в виде сочетаний афоризмов, мудрых указаний и рекомендаций. Основные, заключающиеся в нем идеи, посвящены познанию Аллаха и внутренней жизни ордена Накшбандийа, Духовное послание должно было служить мостом между наставником и учеником, передавая глубокую внутреннюю мудрость ордена Накшбандийа.

В 1528 г. в Индии «Рисалаи Валидия» была переведена основателем империи Бабуридов Захир-ад-дин Мухаммад Бабуром на чагатайский тюркский язык (тюрки) и передана в виде поэмы, в стихотворной форме (Babur, 2018). Это событие свидетельствует о большой значимости трактата Ходжи Ахрара в духовной и политической культуре своего времени, в суфийской традиции Накшбандийа и авторитетности Ходжи Ахрара.

Заключение

Фигура Баха ад-дин Накшбанда и созданный им суфийский тарикат оказали исключительно глубокое влияние на религиозную, социальную и политическую жизнь Центральной Азии. Его учение, соединяющее строгую духовную дисциплину с активным участием в мирской жизни, стало основой для уникальной суфийской традиции, способной не только трансформировать личность последователя, но и оказывать влияние на общественные и государственные процессы. Накшбандийская модель духовности отказывалась от показной аскезы, мистических проявлений и ухода от мира, акцентируя вместо этого ценность внутреннего зикра, следования шариату, скромности, служения обществу и наставничества. Благодаря этим принципам накшбандийский тарикат органично интегрировался в общественную ткань мусульманского мира, стал популярным среди земледельцев, торговцев, ремесленников, правителей, а также способствовал формированию культурного и нравственного кода мусульман региона.

Политическое измерение накшбандийской традиции особенно проявилось в эпоху Тимуридов и позже, когда шейхи ордена начали играть значимую роль в регулировании отношений между властью и обществом. Духовные авторитеты – такие как Ходжа Ахрар и Маулана Чусты – выступали не только религиозными наставниками, но и влиятельными общественными и политическими фигурами, способными воздействовать на политику государств. Через такие механизмы, как силсила, идеология групповой солидарности, отказ от наследственного духовенства и критика светских злоупотреблений, накшбандийцы отстаивали свою независимость от официальных религиозных и светских структур. Их подход, сочетающий этику, духовность и политическое участие, создал в Центральной Азии модель исламской общественной жизни, ориентированной на внутреннюю свободу, коллективную ответственность и активную позицию. Это наследие продолжает оказывать влияние на исламскую мысль региона вплоть до сегодняшнего дня.

Литература:

Armstrong, 2002 – *Armstrong K. Islam. A Short History.* New York: The Modern Library. 272

pp.

Babur, 2018 – *Babur Zahir al-Din Muhammad*. Risala e Walidiyya. Divan-i Babur Padishah // Internet Archive. Октябрь 2018. // [Электронный ресурс] URL: <https://archive.org/details/RisalaEWalidiyyaDivan-iBaburPadishah> (дата обращения: 12.05.2025)

Ernst, 1997 – *Ernst, C. W.* The Shambhala Guide to Sufism. Boston, MA: Shambhala Publications, 1997. ISBN 1570621802. – 264 pp.

Karimov, 2018 – *Karimov N.* A Contested Muslim Identity in Kazakhstan: Between Liberal Islam and the Hanafi Project. *Cultural and Religious Studies*, 6(5), 300–312. // [Electronic resource] URL: <https://doi.org/10.17265/2328-2177/2018.05.004> (дата обращения: 15.03.2024)

Knysh, 2000 – *Knysh A.D.* Islamic Mysticism: A Short History (Themes in Islamic Studies, Vol. 1). Leiden / Boston: Brill. ISBN 90-04-10717-7 (hardback); ISBN 978-90-04-19462-5. Brill, 2000. 280 pp.

Olcott, 2007 – *Olcott M.* Sufism in Central Asia. A force for moderation or a Cause of Politicization? Washington: Carnegie Endowment for International Peace? 2002. 46 pp.

Shah & Sanyal, 1998 – *Shah I., & Sanyal U.* The Rules or Secrets of the Naqshbandi Order. Tractus Books. – 350 pp.

Weismann, 2007 – *Weismann. I.* The Naqshbandiyya: Orthodoxy and Activism in a Worldwide Sufi Tradition. Routledge Sufi Series, No. 8. London & New York: Routledge, 2007. – 224 pp. ISBN 0-415-32243-X.

Бабаджанов, 2012 – *Бабаджанов Б.* 2.4. Ислам и философия. Сокровища восточных рукописей. Институт востоковедения им. Абу Райхана Бируни АН РУз. Ташкент, 2012. 151 с.

Меликова, 2024 – *Меликова М.Н.* К вопросу о философском анализе идей тариката накшбандия в наследии Алишера Навои. International scientific and practical conference “Methodology of teaching foreign languages – innovations, traditions, problems and their solutions” March 15, 2024 // [Electronic resource] URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.10837676> (дата обращения: 15.03.2024)

Пресс-служба, 2020 – Пресс-служба Управления мусульман Узбекистана, январь. 31. 2020

Хисматуллин, 2001 – *Хисматуллин А.А.* Суфизм. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2001. 192 с.

References:

Armstrong, 2002 – *Armstrong K.* Islam. A Short History. New York: The Modern Library. 272 pp. (in Eng.)

Babadzhanov, 2012 – *Babadzhanov B.* 2.4. Islam i filosofii. Sokrovishcha vostochnykh rukopisei. Institut vostokovedeniia im. Abu Raikhana Biruni AN RUz. Tashkent, 2012. 151 s. (in Rus.)

Babur, 2018 – *Babur Zahir al-Din Muhammad*. Risala e Walidiyya. Divan-i Babur Padishah [Elektronnyy resurs] // Internet Archive. – Октябрь 2018. – Режим доступа: URL: <https://archive.org/details/RisalaEWalidiyyaDivan-iBaburPadishah> (date accessed: 12.05.2025) (in Eng.)

Ernst, 1997 – *Ernst, C. W.* The Shambhala Guide to Sufism. Boston, MA: Shambhala Publications, 1997. ISBN 1570621802. 264 pp. (in Eng.)

Karimov, 2018 – *Karimov N.* A Contested Muslim Identity in Kazakhstan: Between Liberal Islam and the Hanafi Project. *Cultural and Religious Studies*, 6(5), 300–312. // [Elektronnyy resurs] URL: <https://doi.org/10.17265/2328-2177/2018.05.004> (in Eng.)

Khismatullin, 2001 – *Khismatullin A.A.* Суфизм. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2001. 192 с. (in Eng.)

Knysh, 2000 – *Knysh A.D.* Islamic Mysticism: A Short History (Themes in Islamic Studies, Vol. 1). Leiden / Boston: Brill. ISBN 90-04-10717-7 (hardback); ISBN 978-90-04-19462-5. Brill,

2000. 280 pp. (in Eng.)

Melikova, 2024 – Melikova M.N. On the issue of philosophical analysis of the ideas of the Naqshbandi tariqa in the legacy of Alisher Navoi. International scientific and practical conference “Methodology of teaching foreign languages – innovations, traditions, problems and their solutions” March 15, 2024 – <https://doi.org/10.5281/zenodo.10837676> (in Rus.)

Olcott, 2007 – *Olcott M.* Sufism in Central Asia. A force for moderation or a Cause of Politicization? Washington: Carnegie Endowment for International Peace? 2002. 46 pp.

Press-sluzhba, 2020 – Press-sluzhba Upravleniya musulman Uzbekistana, yanvar, 31, 2020. (in Rus.)

Shah & Sanyal, 1998 – *Shah I., & Sanyal U.* The Rules or Secrets of the Naqshbandi Order. Tractus Books. 350 pp. (in Eng.)

Weismann, 2007 – *Weismann. I.* The Naqshbandiyya: Orthodoxy and Activism in a Worldwide Sufi Tradition. Routledge Sufi Series, No. 8. London & New York: Routledge, 2007. 224 pp. ISBN 0-415-32243-X. (in Eng.)

¹Каримов Н.И. ²Каримова Р.У.

^{1,2}*Р.Б. Сулейменов атындағы Шығыстану институты, Алматы, Қазақстан*
E-mail: ¹nodar.karimov@gmail.com, ²risalat.karimova@mail.ru

БАХА АД-ДИН НАҚШБАНД: ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ НАҚШБАНДИЙА ДӘСТҮРІНІҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭТИКАЛЫҚ ДОКТРИНАСЫ ЖӘНЕ САЯСИ РӨЛІ

Аңдатпа. Бұл мақала Баха ад-Дин Нақшбандтың әлеуметтік-этикалық доктринасы мен Нақшбандийа дәстүрінің Орталық Азиядағы саяси рөлін талдауға арналған. Зерттеу тарихи, діни-философиялық және саяси талдауды біріктіретін пәнаралық тәсілге негізделі отырып, сопылық ілімнің мемлекеттік институттармен өзара ықпалдасу жағдайында қалай өзгергенін қарастырады. Нақшбандийа мектебінің XIV–XVI ғасырлар аралығында аймақтың саяси мәдениеті мен діни бірегейлігіне айтарлықтай әсер еткен рухани әрі әлеуметтік құбылыс ретінде қалыптасуы кеңінен сипатталады. Зерттеу барысында ішкі рухани тәжірибе, ұстаздық жүйе (силсила), қауымдық өзін-өзі басқару және саяси билікпен қайшылық жағдайында шейхтердің өз ықпалын заңдастыру тәсілдері секілді мәселелерге ерекше назар аударылады. Баха ад-Дин Нақшбандтың шәкірттерінің жылнамалары мен Хожа Ахрардың еңбектері секілді дереккөздерге сүйене отырып, этикалық-рухани қағидалардың саяси әрекет құралдарына қалай айналғаны көрсетіледі. Бұл зерттеу ғылыми әрі практикалық тұрғыдан құнды, өйткені ол Орталық Азиядағы ислам тарихындағы діни қозғалыстардың рухани дербестігі мен саяси ангажирленуінің арақатынасына жаңаша көзқарас ұсынады. Алынған нәтижелер ислам дәстүрін зерттеушілерге, дін тарихшыларына, саяси теология саласындағы мамандарға, сондай-ақ посткеңестік кеңістіктегі қазіргі діни бірегейлікті талдауға пайдалы болуы мүмкін.

Алғыс: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Орталық Азиядағы саяси сопылық (Қазақстан және Шығыс Түркістан): тарихи тамырлар мен қазіргі шындық» атты гранттық ғылыми зерттеу аясында дайындалды (ЖТН АР19678538).

Кілт сөздер: Баха ад-Дин Нақшбанд, Нақшбандийа, Хожа Ахрар, Орталық Азия, саяси сопылық, ислам этикасы, діни бірегейлік.

¹Karimov N.I. ²Karimova R.U.

^{1,2}*R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan*
E-mail: ¹nodar.karimov@gmail.com, ²risalat.karimova@mail.ru

BAHA AL-DIN NAQSHBAND: THE SOCIO-ETHICAL DOCTRINE AND THE POLITICAL ROLE OF THE NAQSHBANDI TRADITION

IN CENTRAL ASIA

Abstract. The article examines the socio-ethical doctrine of Baha al-Din Naqshband and the political role of the Naqshbandi tradition in Central Asia. Employing an interdisciplinary approach, the study integrates historical, religious-philosophical, and political analysis to explore the transformation of Sufi teachings in their interaction with state institutions. It considers the formation of the Naqshbandiyya school as both a spiritual and social phenomenon that significantly influenced the region's political culture and religious identity between the 14th and 16th centuries. Particular attention is given to aspects such as inner spiritual practice, the system of mentorship (silsila), communal self-governance, and the methods by which sheikhs legitimized their influence amid conflicts with political authorities. Through analysis of sources including the works of Khwaja Ahrar and the chronicles of Baha al-Din Naqshband's disciples, the study demonstrates how ethical and spiritual principles were transformed into tools of political action. The research holds both academic and practical value, offering a fresh perspective on the relationship between spiritual autonomy and political engagement within religious movements in the Islamic history of Central Asia. The findings may prove useful to scholars of Islamic tradition, historians of religion, and specialists in political theology, as well as for analyzing contemporary forms of religious identity in the post-Soviet space.

Acknowledgment: This article was prepared within the framework of the grant-funded scientific research project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan titled "Political Sufism in Central Asia (Kazakhstan and East Turkestan): Historical Roots and Contemporary Realities" (Grant No. AR19678538).

Keywords: Baha al-Din Naqshband, Naqshbandiyya, Khwaja Ahrar, Central Asia, political Sufism, Islamic ethics, religious identity.

Сведения об авторах:

Каримов Нодар Исмаилович, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК, Алматы, Казахстан.

Каримова Рисалат-Биби Усмановна, д.и.н., профессор, руководитель Центра уйгуроведения, главный научный сотрудник Института востоковедения им Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК, Алматы, Казахстан.

Авторлар туралы мәлімет:

Каримов Нодар Исмаилович, т.ғ.к., ҚР ҒЖБМ ҒК Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының аға ғылыми қызметкері, Алматы, Қазақстан.

Каримова Рисалат-Биби Усмановна, т.ғ.д., профессор, ҚР ҒЖБМ ҒК Р.Б. Сүлейменов атындағы Шығыстану институтының Ұйғыртану орталығының жетекшісі, бас ғылыми қызметкері, Алматы, Қазақстан.

Information about the authors:

Karimov Nodar Ismailovich, Ph.D. senior researcher at the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies KN MNVO RK, Almaty, Kazakhstan.

Karimova Risalat-Bibi Usmanovna – Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Center for Uyghur Studies, chief researcher at the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies KN MNVO RK, Almaty, Kazakhstan.